

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

ПРОКОФЬЕВ Александр Андреевич родился 19 ноября (2 декабря) 1900 года в с. Кобона Петербургской губернии в семье ладожского крестьянина-рыбака. Отец, вернувшись с действительной военной службы в унтер-офицерском звании, работал на лесопильном заводе и рыбачил. В сельскую школу Прокофьев поступил в 1907, там же пристрастился к чтению, к школьным годам относятся и первые стихотворные опыты Прокофьева. В 1913 «по большому конкурсу» Прокофьев поступил в Петроградскую учительскую семинарию, окончить которую ему не удалось (ушел из 4-го класса) по семейным обстоятельствам: отец был призван в армию, и Прокофьев, как старший в семье, стал полноправным хозяином. В 1920 Прокофьев окончил Учительский институт Красной Армии, стал политработником. С 1921 по 1922 работает военным цензором. С 1922 по 1930 — сотрудник полномочного представительства ВЧК-ОГПУ в Ленинградском военном округе; январь — апрель 1930 — секретарь редакции газеты «Крестьянская правда по радио» в Ленинградском радиоцентре; в апреле — октябре 1930 — секретарь управления Государственным народным домом; декабрь 1939 — март 1940 — корреспондент газеты «Героический поход» 9-й армии. В годы Великой Отечественной войны (июль 1941 — авг. 1945) — военный корреспондент Политуправления Ленинградского, Волховского и Заполярного фронтов. В 1945–1948 и 1955–1965 — первый секретарь правления Ленинградской писательской организации.

С 1922 Прокофьев живет в Петрограде. В 1923 году Прокофьев «нашел Пролеткульт», где в литературной студии, руководимой А.П. Крайским, стал овладевать поэтической техникой. С 1923 по 1927 Прокофьев почти не публикует своих стихов, сам он так говорил об этом периоде: «У меня отсутствовала вовсе поэтическая культура. Я считал, что стихи можно писать залпом, авось что-нибудь и выйдет. У меня не было чутья ни к слову, ни к ритму, ни к теме, ни к образу. Слова умирали в моих стихах, как говорится, на ходу» («О себе»). Между тем это было время активного творческого становления Прокофьева. В стихах тех лет явно ощутимо влияние таких несхожих поэтов, как А. Блок и С. Есенин, Д. Бедный и В. Маяковский. По-своему обобщая их опыт, Прокофьев приходит к своеобразному синтезу тем и мотивов, которые связаны в читательском сознании с этими именами. Ранний Прокофьев ищет поэтические средства прежде всего для воплощения образа своего героя — вчерашнего красноармейца, матроса, крестьянского парня, покида-

ющего родные места. При этом поэт рисует трудность перехода от деревенской жизни к городской. С начала 1930-х поэзия Прокофьева развивается в основном в двух жанровых направлениях — лирике и балладе (границы которых в поэзии тех лет, впрочем, весьма условны). Лирика Прокофьева, как правило, развивала темы родного Приладожья, поэт смело осваивает фольклорные традиции. Особое место Прокофьев уделяет зачину стихотворения: пейзажно-психологическая зарисовка чаще всего разрывается прямой речью. Лексика Прокофьева наполнена самыми разнообразными слоями живого языка («Шли над морем буревестники», 1930; «Ой, какая звонкая погода...», 1930; «Одиночество», 1932; «Здесь тишина. Возьми ее и трогай...», 1933 и др.). Прокофьев в лирике стремится к моментальности, своего рода кинематографичности. Сюжет, даже в балладе, играет второстепенную роль: все внимание автора направлено на смену психологических рядов — «кадров» («Смерть пулеметчика Евлампия Бачурина», 1931; «Бой под Белоречком», 1931; «Измена Енборисова и Каюкова», 1931). Сборник стихов «Дорога через мост» (1933), «Прямые стихи» (1936) и другие, включая обобщающую книгу «Стихотворения» (1938), показывают эпическую сторону художественного дарования Прокофьева (как это часто наблюдается с поэтами, вышедшими «от земли», начиная с Н. Клюева и Есенина до П. Васильева и Твардовского). Однако эпос Прокофьева в отличие от старших современников и ровесников более интуитивен.

В 1930-е Прокофьев приходит к песенному творчеству. И хотя элементы лирической песни, частушки сопутствовали всей его поэзии, с середины 1930-х поэт усиленно обращается к этому жанру в «чистом виде» («Плясовая», 1934; «Песенка Тони», 1934; «Походная песня геологов», 1934; «Коль жить да любить — все печали растают», 1937, и др.). В 1937 выходит сборник Прокофьева «Песни». К творчеству Прокофьева обращались композиторы В. Соловьев-Седой, Д. Прицкер, Ю. Левитан, Э. Денисов, Г. Свиридов, С. Прокофьев. Одно из «программных» стихотворений Прокофьева 1930-х «Товарищ» (1930), положенное на музыку О. Ивановым, стало популярной песней. Новым взлетом таланта Прокофьева стала книга «Приглашение к путешествию» (1960) (Ленинская премия — 1961). Указом Президиума ВС СССР от 1 декабря 1970 года за выдающиеся заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность и в связи с семидесятилетием со дня рождения Прокофьеву Александру Андреевичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот», Сталинская премия второй степени (1946) — за поэму «Россия» и стихотворения: «Не отдадим!», «За тебя, Ленинград!», «Застольная», «Клятва» и другие.

Ленинская премия (1961) — за сборник стихов «Приглашение к путешествию» (1960). Александр Андреевич Прокофьев умер 18 сентября 1971 года в Ленинграде.

Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам

Товарищ

Я песней, как ветром, наполнил страну
О том, как товарищ пошел на войну.
Не северный ветер ударил в прибой,
В сухой подорожник, в траву зверобой, —

Прошел он и плакал другой стороной,
Когда мой товарищ прощался со мной.
А песня взлетела, и голос окреп.
Мы старую дружбу ломаем, как хлеб!

И ветер — лавиной, и песня — лавиной...
Тебе — половина, и мне — половина!
Луна словно репа, а звезды — фасоль...
«Спасибо, мамаша, за хлеб и за соль!

Еще тебе, мамка, скажу поновей:
Хорошее дело взрастить сыновей,
Которые тучей сидят за столом,
Которые могут идти напролом.

И вот скоро сокол твой будет вдали,
Ты круче горбушку ему посоли.
Соли астраханскою солью. Она
Для крепких кровей и для хлеба годна».

Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам,
Мы хлеба горбушку — и ту пополам!
Коль ветер — лавиной, и песня — лавиной,
Тебе — половина, и мне — половина!

От синей Онеги, от громких морей
Республика встала у наших дверей!

Алёнушка

Пруд заглохший весь в зеленой ряске, С берега трава, врываясь буйно,
В ней тростник качается, шумит. Знать не хочет, что мертва вода,
А на берегу, совсем как в сказке, И цветет дурман с цветком багульник
Милая Алёнушка сидит. Рядом у заглохшего пруда.

Прост веночек, а нет его красивой, Но кукушка на сосне кукует,
Красен от гвоздик, от лилий бел. И тропинка к берегу ведет,
Тополиный пух на платье синем, Солнце щедро на́ воду такую
С тополиных рощ он прилетел. Золотые обручи кладет.

Люблю берёзку русскую

Люблю берёзку русскую, То грустную, плакучую.
То светлую, то грустную, Люблю берёзку русскую,
В белёном сарафанчике, Она всегда с подружками
С платочками в карманчиках. Весною хороводится,
С красивыми застёжками. Целуется, как водится,
С зелёными серёжками. Идёт, где не горожено,
Люблю её нарядную, Поёт, где не положено,
Родную, ненаглядную, Под ветром долу клонится
То ясную, кипучую, И гнётся, но не ломится!

Яблоня на минном поле

Она в цвету. Она выросла в суглинок
И ветками касается земли.

Пред ней противотанковые мины
Над самыми корнями залегли.

Над нею ветер вьет тяжелым прахом
И катятся седые облака.

Она в цвету, а может быть, от страха
Так побелела. Не понять пока.

И не узнать до осени, пожалуй,
И я жалею вдруг, что мне видна

Там, за колючей проволокой ржавой,
На минном поле яблоня одна.

Но верю я: от края и до края,
Над всей раздольной русской стороной,
Распустятся цветы и заиграют
Иными днями и весной иной.

Настанет день такой огромной доли,
Такого счастья, что не видно дна!
И яблоня на диком минном поле
Не будет этим днем обойдена!

Мне о России надо говорить

Мне о России надо говорить,
Да так, чтоб вслух стихи произносили,
Да так, чтоб захотелось повторить,
Сильнее всех имён сказать: Россия!

Сильнее всех имён произнести,
Сильнее матери, любви сильнее
И на устах отрадно пронести
К поющим волнам, что вдали синеют.

Не раз наедине я был с тобой,
Просил участия, требовал совета,
И ты всегда была моей судьбой,
Моей звездой, неповторимым светом.

Он мне сиял из материнских глаз,
И в грудь вошёл, и в кровь мою проник,
И если б он в груди моей погас,
То сердце б разорвалось в тот же миг!